

〜 КЛАССИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ 〜
ЛУЧШЕЕ

士傳

徳田孫太夫重盛

一勇斎
國女才魚



徳田の達人あり子息只右門と僕小
 徳田と豊約の義士赤列一六皇の指揮の
 五十余とひる壯年の者おも少走
 徳田の息右兵衛師安を敵と見違
 其時相圖の呼子の笛小
 行小大向竹林等
 師安を兵
 懐ひの眉を



徳田孫太夫重盛
三十七

СУНЬ-ЦЗЫ, МУСАСИ,
КОНФУЦИЙ



**ИСКУССТВО
ПРАВИТЬ МИРОМ**



Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)(510+520)
ББК 87.3(5Кит)+87.3(5Япо)
И86

*Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.*

И86 Искусство править миром. Искусство войны / Сунь-Цзы; перевод с китайского В. В. Башкеева. Книга пяти колец / Миямото Мусаси ; перевод с японского Р. В. Котенко, А. А. Мищенко, А. А. Петрова. Изречения / Конфуций ; перевод с китайского П. С. Попова. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. — 352 с. — (Классика истории и культуры. Лучшее).

ISBN 978-5-17-154582-6

В книгу включены три наиболее известных трактата, посвященных стратегии поведения в конфликтах любого уровня – от военных действий до политических дебатов и психологического соперничества.

Древний китайский трактат «Искусство войны», написанный более двух тысяч лет назад великим военачальником и стратегом Сунь-цзы, является основополагающим текстом «школы военной философии».

«Книга пяти колец» японского наставника Миямото Мусаси рассказывает о чести и воинской доблести и посвящена искусству стратегии.

В третьей части издания читатель может ознакомиться с изречениями Конфуция, древнего мыслителя и философа, чьи идеи породили основу для новой философской системы, известной как конфуцианство.

УДК 1(091)(510+520)
ББК 87.3(5Кит)+87.3(5Япо)

ISBN 978-5-17-154582-6

© В.В. Башкеев, Р.В. Котенко, А.А. Мищенко,
А.А. Петров, П.С. Попов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Сунь-Цзы ИСКУССТВО ВОЙНЫ

Предисловие переводчика	9
Глава 1. Предварительное планирование.....	32
Глава 2. Ведение войны	36
Глава 3. Планирование атаки	40
Глава 4. Форма.....	44
Глава 5. Мощь.....	47
Глава 6. Полное и пустое.....	50
Глава 7. Борьба на войне	55
Глава 8. Девять изменений	59
Глава 9. Маневры.....	61
Глава 10. Формы местности	66
Глава 11. Девять местностей	70
Глава 12. Атака огнем.....	77
Глава 13. Использование шпионов	80

Миямото Мусаси КНИГА ПЯТИ КОЛЕЦ

Предисловие переводчика	85
Введение	97
Книга Земли	100
Книга Воды.....	118
Книга Огня.....	138
Книга Ветра.....	158
Книга Пустоты	171

Конфуций
СУЖДЕНИЯ И БЕСЕДЫ

Предисловие переводчика	175
Глава 1. Не приятно ли учиться?..	187
Глава 2. Кто управляет	193
Глава 3. Восемь рядов	201
Глава 4. Прекрасна та деревня	210
Глава 5. Философ сказал о Гун Е-чане	215
Глава 6. Юна можно поставить	224
Глава 7. Я передаю старину	232
Глава 8. О Тай-бо можно сказать	241
Глава 9. Конфуций редко говорил	247
Глава 10. В своей деревне	255
Глава 11. Хотя прежние люди	262
Глава 12. На вопрос Янь-юаня	271
Глава 13. Цзы-лу спросил	281
Глава 14. Сянь спросил	291
Глава 15. На вопрос вэйского князя	305
Глава 16. Когда фамилия Цзи	316
Глава 17. Ян-хо хотел видеть	323
Глава 18. Вэй-цзы ушел	334
Глава 19. Цзы-чжан сказал	340
Глава 20. Яо сказал	348



СУНЬ-ЦЗЫ

✱

**ИСКУССТВО
ВОЙНЫ**

Предисловие переводчика

*Памяти Н. И. Конрада и В. С. Спирина
посвящается*

Популярность открытой вами книги — явление само по себе весьма занимательное. Казалось бы, ничего удивительного в этом нет — классическое письменное наследие традиционного Китая за более чем две тысячи лет своего бытования прочно стало интернациональным. Неугасающий интерес к нему следует рука об руку с общей популярностью китайской цивилизации. Наиболее значимые из этих памятников классического письменного наследия: «Лунь Юй», «Мэн-цзы», «Ли-цзи», «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы», «Ханфэй-цзы», «Мо-цзы» — являются основополагающими, «каноническими» для основных же направлений философской мысли в Китае — конфуцианства, даосизма, моизма, легизма, поэтому неудивительно, что они давно и многократно переводятся и переиздаются, в том числе и на русский язык. Интерес к ним давно вышел за рамки профессиональной китаеведческой среды и прочно стал всеобщим.

Тем не менее здесь есть важный нюанс, который и делает факт невероятной популярности трактата «Искусство войны» столь занимательным. Дело в том, что каждое из названных направлений в китайской тради-

ции воспринимается как цзя (школа), а памятники соответственно закладывают идейные основы этих школ. Сунь-цзы — не исключение — им заложена традиция так называемой военной школы «бинцзя» (兵家). Однако же школ цзя в традиционном Китае известно множество (более десятка). Самые влиятельные и соответственно популярные как внутри, так и вне Китая — это четыре уже названных — жуцзя (儒家) — традиционно переводится на русский как «конфуцианство», более точный перевод — «каноноведы» или «ученые-книжники»; даоцзя (道家) — даосизм; моцзя (墨家) — моизм, фацзя (法家) — легизм. Оставшиеся направления также пользуются в Китае несомненным авторитетом, однако не отмечены сопоставимой популярностью и влиянием на всю китайскую культуру, находясь как бы в негласном «втором ряду» по степени значимости. Совершенно логично, что подавляющее большинство памятников из этого ряда на западные языки не переведены. Но нюанс состоит в том, что «Искусство войны» также формально относится ко «второму ряду» — в Китае он уважаем и авторитетен, но отнюдь не более, чем какой-либо другой памятник китайской мысли.

Таким образом, трактат Сунь-цзы предстает удивительным исключением — только он положил начало многочисленным переводам на западные языки, целым теориям «стратагем», созданным на Западе «на его основе». В конце концов только он входит в учебную программу морских пехотинцев США и отметился в таком культовом современном сериале, как *Breaking Bad* («Во все тяжкие»), который не имеет к китайской культуре уж совсем никакого отношения. Иными словами, своей популярностью в мире «Искусство войны» далеко переросло не только равные ему по авторитетности в Китае

памятники, но и самые важные для китайской традиции тексты, составляющие признанный канонический корпус китайского классического письменного наследия. Что и говорить, явление воистину уникальное. Так в чем же его секрет? Попробуем разобраться.

Первая причина — конечно же, сама тематика или же, если угодно, содержание. Здесь текст «Искусства войны», безусловно, уникален — ни один из классических китайских текстов не поднимал настолько интернациональную, актуальную во все исторические периоды и во всех государствах тематику, как война. Ключевые характеристики ее с точки зрения востребованности для перевода — всеобщность, понятность и надкультурность. Все памятники классического канона крайне важны для китайской цивилизации и цивилизаций, взрошенных на ее культуре, но совершенно непонятны и чужды цивилизациям, взрошенным на культуре античной и затем западноевропейской. Осознать фундаментальность памятников классического канона невозможно без знания китайской культуры — все они, будь то «Лунь Юй», «Дао дэ цзин» или «Ханьфэй-цзы», слишком своеобразны, их не постичь, не прилагая усилий по погружению в материал. Это закономерно приводит к тому, что, даже будучи переведенными и став интернационально интересными, они привлекают лишь узкий круг энтузиастов, непонятны большинству читателей и намертво вписаны в весьма специфичный культурный контекст китайской цивилизации. Результат — крайне малая популярность и очень «нишевая» востребованность, отсекающая колоссальное количество людей, которые и рады бы узнать много нового о «загадочном Китае», да только очень уж он непонятен и своеобразен, просто прочитав перевод — только еще больше запутаешься. «Искусство вой-

ны» резко отличается в этом смысле от всего остального классического наследия. Трактат поднимает всеобщую, понятную всем и совершенно надкультурную тему войны, которая еще и актуальна и «горяча» во все времена благодаря непреложным закономерностям развития человеческих сообществ. Уже одно это создает прекрасные стартовые условия для серьезной популярности.

И тут в дело вступает вторая причина — форма. В данном случае тот самый культурный контекст, усложняющий понимание прочих известных памятников, идеально работает на популярность и востребованность «Искусства войны» — он, как и другие труды, созданные в период развитой китайской древности, написан в жанре трактата, по сути представляющего собой изложение мыслей мудреца-философа на заданную тему. А это, в свою очередь, придает ему ряд особенностей, характерных для китайской философской мысли классического периода, что резко выделяет его уже в рамках военной тематики. Иначе говоря, в данном случае синтез общечеловечески привлекательного содержания со специфической китайской формой осмысления и подачи материала на выходе рождает совершенно уникальный в своем роде результат — философский трактат о войне, ставящий своей целью проникнуть во все ее нюансы не только с практической, но и с идейной, понятийной, в конечном счете — именно философской точки зрения. Это — уже явление, по определению до появления «трактатов последователей Сунь-цзы» не имевшее аналогов. «Искусство войны», по сути, становится своего рода «ключом к сейфу», в котором лежит столь сложно познаваемая китайская культура. Общечеловеческая военная тематика словно оборачивает китайскую философскую мысль в понятную широкой публике обертку, значитель-

но снижая начальный «порог входа» и действительно объективно сильно упрощая понимание. Это объясняет и небывалую популярность «Искусства войны», и его неугасающую актуальность не только в свете все усложняющейся международной обстановки, но и в свете неуклонного роста интереса к культурам, взрожденным китайской цивилизацией. Однако у этого удивительного симбиоза войны и философской мысли Китая, сделавшего трактат столь популярным на Западе, есть и другая сторона медали, которая порождает целый ряд особенностей, о которых нельзя не сказать, передавая читателю русский текст этого памятника.

Эти особенности можно поделить на две взаимосвязанные группы. Одна из них связана с собственно китайским культурным контекстом и вытекающими отсюда историческими, политическими и языковыми константами, которые необходимо иметь в виду для адекватного понимания китайского материала, другая — непосредственно с проблемами перевода «Искусства войны» как такового.

Совершенно ясно, что полноценно охватить весь китайский культурный контекст в рамках одного предисловия, тем более столь сжатого, невозможно в принципе. Однако все еще можно тезисно познакомить читателя с рядом базовых посылок, дав своего рода путеводитель для путешествия по увлекательному миру китайской цивилизации. Итак...

I. Иероглифы и особенности китайского языка

I. Контекст и «многозначность» китайских иероглифов

Читателю, должно быть, неоднократно доводилось слышать о многозначности китайских иероглифов и о том, что ту или иную фразу невозможно перевести однозначно. Представьте себе такую картину: некто неизвестный любопытствующий увидел где-нибудь последовательность иероглифов, она его чем-то заинтересовала, и, попав под ее мистическое обаяние, он решил во что бы то ни стало узнать, что же сие значит на его родном языке. После некоторых исканий он находит человека, которого ему аттестовали как «специалиста в китайском». И что же он услышит? Почти гарантированно — фразу «Нууу, этот иероглиф столько всего может значить, просто так не переведешь».

Сей ответ наверняка будет подкреплён демонстрацией пугающе длинной словарной статьи, порой занимающей целый лист и действительно включающей в себя 10+ (а то и больше) различных значений одного и того же знака.

После чего, как правило, впечатленный любопытный изумленно вопрошает: «Да как вы вообще все это учите и хоть что-нибудь понимаете?!» — и на этом все его попытки узнать перевод загадочной фразы заканчиваются, а продемонстрировавший словарную статью знаток возносится в его глазах выше всякого допустимого в приличном обществе уровня. Это же порождает невероятное количество «шарлатанов-знатоков», запутывающих людей уверениями, что «эта фраза не-

переводима, она слишком многозначна». Увы, много таких и в переводческой среде, что создает вокруг китайского совершенно ненужный ореол «непостижимости», что совершенно излишне для и так крайне трудного языка.

Однако же, будь наш нелюбознательный исследователь чуть более настырен, ему после этого в голову наверняка должен был прийти простой, но очень важный вопрос: «А действительно, как понять-то?!» И вот на него добросовестный «специалист», если только он, конечно, специалист без кавычек, немедленно должен ответить: «Контекст нужен». Подводный камень тут следующий: иероглифы действительно многозначны, однако китайский язык, как и любой другой, имеет своей целью передачу информации в письменном и устном виде, следовательно, в данной конкретной языковой ситуации тот или иной иероглиф может иметь только одно значение, в худшем для переводчика случае его многозначность при этом будет использована автором для аллюзии на какое-либо явление, связанное с другими значениями знака и придающее сказанному глубину и многогранность (вот он — кошмар переводчика), однако иероглиф ни в коем случае не будет иметь двух разных значений для одного и того же случая. Иначе он перестает быть адекватным языковым средством — не может передать непосредственно то значение, которое вкладывал автор. И вот именно тут, в силу структурных особенностей китайского языка, невероятную важность обретает контекст. Поскольку китайский иероглиф не изменяем морфологически — он тождественен одному слогу (иероглиф — еще не слово, слово также может состоять из двух и более слогов,